

ло дурного привилось и ко мне, и привилось главным образом не в пору. Рано, даже слишком рано пробуждены были во мне половые инстинкты и, постоянно только раздражаемые и не удовлетворяемые, давали работу необузданной фантазии» [4, с. 16].

Обусловленность своей личности социальным влиянием и ценностями, так называемое *Я социальное*, автобиографический герой определяет достаточно четко: «Мне, барчонку, которого держали в хлопках (т. е. воспитывали, усиленно опекая и оберегая – А. Л.), изредка только позволяя играть в игры с дворнею» [4, с. 22]. Также рассказчик постоянно говорит о влиянии времени, эпохи на формирование своего характера. В юности автобиографический герой увлекался различными философскими течениями, например: «Трансцендентальное веяние <...> вновь охватило и увлекло меня» [4, с. 46].

Пытаясь осмыслить свою жизнь, понять себя, герой мемуаров А. А. Григорьева создает *я феноменологическое*: «Одинокостью я перерождался, – я, живший несколько лет какою-то чужою жизнью, переживавший *чьи-то*, но во всяком случае не свои, страсти – начинал на дне собственной души доискиваться собственной самости» [4, с. 43].

Выводы.

Очевидно, что самовыражение авторского *я* в мемуарах обретает значение через рефлекссию, память, интерпретацию. Рефлексия важна при самопознании героем внутренних психологических актов и состояний (что осуществляется в процессе самоанализа, самооценки, осмысления событий, явлений, фактов).

УДК 81.272

Память обеспечивает накопление впечатлений и знаний о себе, о мире и осуществляет связь времен. Интерпретация значима как способ индивидуальной трактовки бытия, определенное его понимание.

Литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб., 2000.
2. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Статьи о классиках. – М., 1970. – С. 427–524.
3. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. – Л., 1977.
4. Григорьев, А. Воспоминания / А. Григорьев. – Л., 1980.
5. Ковачичова, О. Генологические аспекты мемуаров. Варшава 2010 / О. Ковачичова // Studia Rossica XX. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, t. I, Wyd. – Warszawa, 2010. – С. 17–26.
6. Луцевич, Л. Формы репрезентации в мемуарном тексте. Варшава 2010 / Л. Луцевич // Studia Rossica XX. Memuarystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe, red. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łucewicz, t. I, Wyd. – Warszawa, 2010. – С. 38–47.
7. Савинков, С. В. Мемуаристика / С. В. Савинков // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М., 2008. – С. 118–119.
8. Тартаковский, А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге / А. Г. Тартаковский. – М., 1991.
9. Фарин, Е. Введение в литературоведение / Е. Фарин. – СПб., 2004.

З. Милошевич, А. Минович
Институт политических исследований
(г. Белград, Сербия),
Е. М. Иванова
Череповецкий государственный университет

РЕФОРМА СЕРБСКОГО ЯЗЫКА ВУКА С. КАРАДЖИЧА И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Данная работа появилась в рамках научного проекта «Демократический и научный потенциал политических институтов Сербии в процессе международных интеграций» (179009), финансируемого со стороны Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербии

В статье в широком историко-политическом контексте рассматривается реформа сербского языка, которую осуществил Вук Стефанович Караджич и которая является, как и сама история сербского языка, прошедшего множество циклов дезинтеграции и фрагментации, ярким примером использования языка как инструмента политики. Именно языковая реформа Вука Караджича положила начало отделению сербского языка от русского, а также создала основу для циклической дезинтеграции сербского языка и как следствие этого – для ослабления национальной идентичности сербов.

Вук Стефанович Караджич, язык, реформа, самоопределение, национальная идентичность, языковая дезинтеграция, политика, православие, Россия.

The article considers the reform of the Serbian language carried out by Vuk Stefanović Karadžić in a wide historical and political context. This reform, as well as the history of the Serbian language which has undergone a variety of stages of disintegration and fragmentation, is a bright example of using a language as a policy tool. The language reform carried out by Vuk Karadžić initiated

the separation of the Serbian language from Russian, it created the basis for increasing disintegration of the Serbian language and as a result it weakened the national identity of the Serbs.

Vuk Stefanović Karadžić, the language reform, self-identity, national identity, linguistic disintegration, policy, orthodoxy, Russia.

Введение.

Проблема языка, всегда связанного с конкретной культурой, относится к группе исключительно важных вопросов идентификации (национальной, исторической, культурной, социальной), так как затрагивает все специфические компоненты национального самоопределения. Данные категории идентификации представляют собой важный элемент как в этническо-культурном, так и в гражданском самоопределении. Уже из этого положения становится ясно то, что язык и культура имеют крайне важное политическое значение. Поэтому не удивительно, что они часто становятся как объектом политических манипуляций и злоупотреблений, так и мощным инструментом для достижения политических и национально-этнических, а иногда и геополитических целей.

Основная часть.

На территории Балканского полуострова особо распространено явление, связанное с изменением названия языка. Обычно это явление сопровождается последующей реконструкцией и надстройкой, цель которой – создание достаточного основания для национального и этнического отличия и выделения. Это ведет к своего рода узакониванию изменений идентичности и созданию новых национальных и этнических групп, а также их особых политических и государственных образований. Последствия подобных процессов проявляются не только в чисто лингвистической плоскости, но и, как показывает опыт, неминуемо носят политический характер. Кроме так называемой дезинтеграции языка происходит политическая, территориальная и национальная дезинтеграция. Именно сербский язык, который прошел через большое количество таких циклов (этапов) дезинтеграции и фрагментации, вероятно, является лучшим примером политического манипулирования и идеологизации филологии и самого языка [9], [17], [18]. Но с аналогичными проблемами сталкиваются и некоторые другие языки, в том числе и те, которые принадлежат к так называемым великим культурам, например, русский язык. Последние события на Украине демонстрируют, какой политический кризис и какие пагубные последствия может вызвать тактика использования языка в качестве политического инструмента.

Несмотря на то, что существуют глубокие и интересные научные работы по анализу последствий языковой реформы Вука Стефановича Караджича, в которых указанная проблематика рассматривается не только с точки зрения языка, но и в различных общественно-политических аспектах, сами политики не обращают внимания на данные аналитические изыскания. Остается фактом, что некоторые из этих работ издавались еще во времена Социалистической Республики Югославии в церковных вестниках, не имевших широкой читательской аудитории в науч-

ных кругах, а следовательно, эти исследования не оказывали большого влияния ни в своей области, ни в области государственной политики (может быть, и по причине пропаганды марксистского атеизма и нетерпимости по отношению к религии). Однако фактом остается и то, что общественность «замолчала» превосходную работу не связанного с Сербской православной церковью автора Мешы Селимовича «За и против Вука» [13]. И это касается не только югославского периода. Селимович отметил одну особенность, наблюдаемую в оценке реформы В. Караджича: «С первых дней борьбы Вука Караджича за реформу языка и орфографии и до сегодняшнего дня ученые, писатели, деятели культуры упорно соглашались с Караджичем и его пониманием языка и орфографии и высказываются в его пользу, или же восстают против этого» [13, с. 5]. И больше ничего. Как будто эта реформа обладает некоторой магической защитной оболочкой против критики, голоса разума и логики.

Меша Селимович подводит итог своего анализа реформы Вука Караджича следующим образом: «Мы бы могли привести еще множество писателей, которые вплоть до сегодняшних дней и до этого 1966-го года противоречат Вуку Караджичу, обвиняя его во многих наших несчастьях и муках с языком. А если это так, значит, существует что-то в том языке, что не дает нам покоя, что оставляет нас недовольными в течение ста лет после Вука Караджича, несмотря на то, что с того момента много чего изменилось в языке и в литературе» [13, с. 86].

То, что сербам не дает покоя, когда речь идет о реформировании Вуком Караджичем сербского языка, это двойственная основа проведенной реформы. Во-первых, этой реформой сербский язык, несмотря на принципиальное сохранение общего цивилизационного кода – кириллицы, все-таки был отделен от русского языка и литературы, а обратный процесс никак не начинается; во-вторых, данная реформа привела к дезинтеграции самого сербского языка. Если рассматривать процесс отделения сербского языка от русского, то можно заметить, что суть проблемы заключается в том, что «для историков русской литературы деятельность Вука Караджича имеет особый смысл, потому что с того времени наблюдаются слабые связи между сербской и русской литературами, и вместо влияния русской, преобладает влияние западноевропейской литературы» [5, с. 10].

Первым среди сербских писателей, принесших западное влияние, оказался Доситей Обрадович. Но, как однажды было подчеркнуто: «Доситей и его последователи не являются оригинальными писателями. Они только переносили посредством литературы западные идеи в сербскую среду» [15, с. 723]. Когда мы говорим о необходимости обновления связей между сербским и русским языками, а также между сербской и русской литературой, то прежде всего

имеем в виду потребность возвращения к своим старославянским языковым корням. И хотя мы, конечно же, осознаем нереальность возвращения славяно-сербского языка в повседневный обиход, мы считаем, что существует некоторый прикладной способ его оживления, который, в свою очередь, способствовал бы не только сохранению данного языкового наследия и древних сербских традиций и культуры, но и развитию сознания о древних славянских (русско-сербских) языковых связях, а также росту существующего уровня образования и общей культуры в сербском обществе. Примером одного из возможных способов достижения данной цели является, на наш взгляд, введение изучения этого языка в учебные планы и программы, прежде всего, в рамках гуманитарно-языкового направления современных гимназий. Поскольку для данного уровня образования изучение латинского (на сегодняшний день «мертвого» в плане общения языка) является нормой, мы не видим причины, почему аналогично нельзя поступить со славяносербским языком.

Если говорить о фрагментации сербского языка, многое демонстрирует тот факт, что после захвата южнославянского этнического пространства турецкие султаны учили только сербский язык. Других языков не было [6]. Далее в процессе формирования первого государства – Югославии – на этой территории существовали только сербский и словенский языки, при этом наблюдались тенденции активного утверждения хорватского как отдельного языка [8]. Словенец Франц Миклошич, основатель славянской сравнительной грамматики и преподаватель университета, в среде южных славян различал только три языка: сербский, болгарский и словенский [3]. В социалистической Югославии существовали сербско-хорватский, словенский и македонский языки (до этого в Македонии говорили на сербском). Когда распалась Социалистическая Федеративная Республика Югославия, одновременно с ее разделением под влиянием Запада возникли новые «самостоятельные языки». Основанием для их появления были исключительно политические критерии. Таким образом, сейчас мы имеем хорватский, боснийский¹ и даже черногорский язык (который, ко всему прочему, отказался от кириллицы). Фрагментация сербского языка на этом еще не окончена. Существуют предпосылки для формирования так называемого «воеводинского языка», что опять-таки ставит вопрос, как это возможно. Именно эти два вопроса не оставляют в покое исследователей, когда речь заходит о реформе сербского языка Вука Караджича. По этой причине данная тема заслуживает обзора и переосмысления с принятием во внимание старых и новых фактов, связанных с данной реформой, до тех пор, пока не соберутся силы для устранения деструктивных элементов.

Зачем понадобилась реформа сербского языка?

¹ Ведущие боснийские лингвисты и филологи отрицают то, что сербский, хорватский и боснийский – различные языки. Однако политика их мнение не принимает во внимание. См: *Riđanović M. Riđanović o jeziku i još nekim stvarima iz Tamnog Vilajeta. Sarajevo, 2013. С. 16.*

Древняя литература, созданная под влиянием византийской, главный образом была литературой богословского характера, а после краха сербского государства литературная деятельность ослабла настолько, что во время ее последнего представителя – патриарха Паисия (1614–1647) – упала до уровня переписывания книг, в основном для церковных потребностей [15, с. 723]. Австрия предложила сербам после поднятых ими восстаний против турок и оказываемой поддержки австрийской армии поселиться на территории под своей юрисдикцией, обещав при этом автономию (проживание на определенной территории, самоуправление, автономия церкви и системы образования). С другой стороны, Европа в XVIII веке развивалась и отрицательно относилась к ассимиляции народов (уважением пользовались язык, вероисповедание, обычаи как главные признаки народности). Австро-Венгрия начала навязывать сербам публикацию на кириллице книг униатского содержания. Сербам вынуждены были переходить в римско-католическое вероисповедание, запрещено было открывать школы на сербском языке. Таким образом, все было направлено на то, чтобы сербы могли получать образование в римско-католических семинариях и военных школах (а чтобы получить офицерское звание, обязательным условием было принятие римско-католического вероисповедания). Все это повлияло на то, что сербы обратились к Синоду Русской православной церкви с просьбой помочь с учителями и книгами. Русский Синод выполнил данное сербам обещание: приезд русских учителей и появление русских книг вызвали панический страх австрийских властей. Официальное принятие русскославянского языка со стороны Сербской православной церкви связывают с открытием «славянской школы», которая начала работу в г. Сремски Карловци 1 октября 1726 г., а первым и в то время единственным учителем в ней был наставник из России Максим Терентьевич Суворов [11].

Четыре года спустя, в 1730-м г., в Вене возникает идея о необходимости реформы и революционного изменения языковой ситуации у сербов. Поскольку в том году русскославянский язык был официально принят в качестве литературного со стороны сербской интеллигенции, сербской церкви и состоятельных слоев населения, возникла опасность, что он станет общим языком всех сербов в Австрии [1].

Австрия неоднократно предпринимала попытки под видом действий по устройству системы образования в областях, населенных сербами, изданием законов упразднить кириллицу и славяносербский язык из сербских начальных школ. Мария Терезия оправдывала это прежде всего просветительскими побуждениями, переплетая их с политико-административными, чтобы скрыть, на самом деле, религиозную основу проблемы. Она требовала введение «иллирийского» языка и «иллирийского» алфавита, т. е. хорватского языка и латиницы. Последняя попытка была предпринята в конце периода правления Марии Терезии (в 1779 г.), когда был издан указ об упразднении использования кириллицы вне церковного обращения, а в школах введен «иллирийский» язык и латиница. Данное решение было

отменено в 1785 г. императором Иосифом по причине сопротивления со стороны Сербской православной церкви и сербского народа.

Роль Ернея Копитара в реформе сербского языка

Как мы уже отметили, из-за сопротивления сербов и Сербской церкви Австрия отказалась от метода, используемого ранее: посредством законов изменить языковую ситуацию у сербов. Теперь она ищет человека, который бы среди сербского народа отыскал подходящего серба, и этому сербу при благоприятных обстоятельствах удалось бы, в конце концов, осуществить насильственное изменение языка у сербов. Эту роль Австрия доверила словенцу и истинному римо-католику – Ернею Копитару (1780–1844), чья роль в реформе сербского языка еще нуждается в фундаментальной оценке [см.: 5]. Очевидно, для этого была причина, так как нет сомнений в том, что Копитар был весьма способным и образованным человеком, а также авторитетным и известным ученым. Неслучайно Якоб Гримм его назвал *monstrum scientiarum*. Для Шафарика он был «словенским Мефистофелем», которого в Праге еще называли *Hofslavist* [1, с. 71]. Разумеется, было основание для таких именований. Следует отметить, что «на Балканах образовывались очаги свободы и прогресса: в Пеште издавался *Летопис Матице Српске*; Загреб стал центром борьбы с мадьяризацией. Среди интеллигенции в Любляне пробуждалось демократическое национальное сознание. Чехи и словаки шли своим путем, а поляки в 1831 г. организовали восстание. Но придворный библиотекарь Ерней Копитар все равно мечтал о славянской Австрии, центр которой будет в меттерниховской, габсбургской Вене» [12, с. 278].

Сразу же после получения задания Копитар принялся за поиски среди сербов человека, который был бы способен осуществить данные идеи. При этом, начиная с 1809 г., Копитар сам расширяет и улучшает свои знания сербского языка. Когда он станет цензором славянских книг в Вене (в 1819 г.), то с большим «правом» и стремлением будет искать писателя, которому бы удалось провести планируемую реформу сербского языка. В то же время Копитар поддерживает стремления Димитрия Фрушича и Димитрия Давидовича и помогает им в 1814 г. начать публикацию периодического издания «Новине сербске» в «царствующем граде Вене» [5, с. 46]. Они вдвоем вместе со Стефаном Живковичем Телемахом, родственником Вука Караджича, и Копитаром определяют журналистскую политику сербов в Вене и, частично, во всей Австрии. После статьи Вука Караджича о подавлении Первого сербского восстания в упомянутом издании, Копитар понял, что именно Вук Караджич и есть тот серб, с помощью которого он осуществит свой замысел. В данном контексте становятся понятными слова знаменитого сербского филолога Александра Белича: «Трудно сказать, где заканчивается Вук Караджич, и начинается Копитар». Но именно тот самый Белич, так же, как и некоторые другие известные филологи, и даже сам Любомир Стоянович, были непостоянны в своих взглядах, и начиная со следования идеям Вука Караджича, они все-таки пришли (так же, как и

основная часть сербской интеллектуальной и политической элиты) к ведущей, так называемой австро-хорватской идее или югославской идее Штросмайера – Ягича (основывающейся на существовании одного югославянского народа, который говорит на одном общем языке). Здесь отдельно следует отметить, что сам Вук Караджич никогда не принимал данный австро-хорватский вариант югославской идеи, т. е. положение о едином сербско-хорватском языке.¹ С другой стороны, Копитар был кумом на венчании Вука Караджича, когда тот женился на немке Анне, обвенчавшись в римско-католической церкви 16 января 1818 г. [12] (что означает, по меньшей мере, принятие Вуком Караджичем унии).

Реформаторская тактика Копитара проявлялась следующим образом: «Чтобы убедить официальные круги Австрии, Седлницкого и Меттерниха в своих идеях, Копитар напряг все силы. В письме Верховному командующему полицией он настоятельно убеждает подозрительного Седлницкого в том, что Вук Караджич на самом деле только помогает Австрии в осуществлении ее целей в политике. В понимании Копитара, открытого противника православных клириков и русского влияния на сербов, борясь за новую сербскую литературу, Вук Караджич непременно и неосознанно работает и на пользу Австрии. Австрия должна разрешить Вуку Караджичу издательство в императорской Вене сербского журнала с использованием новой орфографии: это сблизило бы православных и католиков, отделило их от русских и уменьшило влияние «Летописи» и журналов, публикующихся в Сербии с использованием старой орфографии и находящихся под русским политическим влиянием» [12, с. 279–280].

Императорские власти в Вене поставили перед Ернеем Копитаром задачу при проведении так называемой реформы сербского языка выполнить следующие основные требования:

- 1) выбрать один из возможных диалектов для литературного языка сербов;
- 2) провести реформу орфографии;
- 3) перевести Священное Писание на новый литературный язык;
- 4) издавать буквари, грамматики, словари и лексические памятники, которые бы свидетельствовали о лексическом богатстве и возможностях нового языка [1].

Именно это подтверждает и Йован Скерлич, написав: «От Копитара идут три главные языковые и

¹ О влиянии и причинах принятия так называемых идей Штросмайера-Ягича, австро-хорватских идей о югославской общности в среде сербской интеллигенции и вообще сербской общественной и политической элиты во время Первой мировой войны и последующего монархического межвоенного периода мы писали в другой работе. Подробнее об этом см.: *Мировић А., Милошевић З.* Склоност Срба ка прихватању супра и транснационалних идентитетских категорија: Југословенство и 'евроунијство' // Српско питање на Балкану: Зборник радова са истоименог научног скупа са међународним учешћем / под ред. Суботић М. Београд: Институт за политичке студије, 2013. С. 389–418.

грамматические реформы Караджича: народный язык в качестве литературного, фонетический принцип, усовершенствование графики» [14, с. 244].

Вук Караджич в 1813 г. из охваченной восстанием Сербии, стремящейся освободиться от турецкого рабства, приехал в Вену — столицу Австро-Венгерской империи. Его приезд в Вену до сих пор полностью не разъяснен. Почему именно в Вену, в один из важнейших в то время европейских центров? Только для того, чтобы выучить немецкий язык? Что ему нужно было делать в Вене? На все эти вопросы до сих пор нет внятных ответов.

Духовным «создателем» Вука Караджича был словенец Ерней Копитар — преданный римо-католик и императорский приверженец. Копитар был наставником Вука Караджича. Будучи редактором славянской рубрики в издании *Wiener allgemaine Zeitung*, он пригласил Караджича «рецензировать славянские книги», как только прочел его статью о восстании. На основании чего последовало это неожиданное предложение и доверие? У Вука Караджича на тот момент не было никакого опыта в данной области, и он мало что знал, кроме сербского языка. Но именно этот факт определил то, что Вук Караджич оказался тем человеком, которого Копитар искал после исчезновения Мкраля [13]. Поэтому реформа сербского языка «принадлежит» не только Вуку Караджичу, но также и Копитару, а значит, и австро-венгерскому государству [1, с. 66].

Ерней Копитар, изменивший направление истории сербской культуры «по своим причинам», мог дать уверенность и самому Вуку Караджичу, увидевшему насколько язык, простонародный язык — и именно тот, на котором он говорит, на котором говорят крестьяне в его Тршиче — важен для уважаемого ученого [13, с. 16].

Расправа Караджича с Видаковичем

В то время среди австро-венгерских сербов литературным языком был славяносербский, на котором писала и говорила в то время сербская элита. Этот язык Вук Караджич хотел заменить народным языком, при этом ему для данного решения надо было «нейтрализовать» голос и влияние этой элиты. Представителями славяносербского языка были Лукиян Мушицки, Милован Видакович и Йован Хаджич. Караджич их весьма грубым, и даже можно сказать примитивно-политическим образом «убрал», однако и сам позднее, занимаясь переводом Священного Писания на сербский, отступил от принципов своей реформы и народного языка. Больше всех из них троих досталось Видаковичу, в то время знаменитому сербскому романисту и литературоведу. Вук обрушился с критикой на него в 1815 г., когда в издании «Новине сербски» опубликовал рецензию на произведение «Одинокый юноша» (Усамљени јуноша), в которой умалил достоинства книги. В полемике с Видаковичем Караджич не обратил внимания на истинные ценности произведения, а перешел на личность автора, назвав его «плохим писателем», причиной чему послужила сумма, за которую главный герой продал участок земли. Так, главный герой Любомир в произведении говорит, что продал участок земли за 5 000 дукатов, хотя на самом деле за

эти деньги мог бы купить пол-Герцеговины; затем замечание касалось той части, где герой становился на колени перед иконостасом и молился Богу (чего православные не делают) и т. д. Согласно Меше Селимовичу, «данная рецензия является одной из самых некорректных в нашей литературе вообще, содержит мало информации о качестве романа в целом, и сам аспект рассмотрения, нехарактерный для Караджича и находящийся вне сферы его интересов, заключен в нескольких общих предложениях. Караджич критикует мораль, незнание жизни народа, чужое литературное влияние, безмерную фантазию писателя, несоблюдение фактографической точности, и, в конце концов, язык, в котором много славянских слов и форм» [13, с. 58]. Караджич в рецензии позволил себе назвать Видаковича «дураком», «ослом» [13, с. 53] и другими оскорбительными словами. В любом случае, Вук Караджич отбил читателей у Видаковича, вследствие чего тот остался без денег и позднее умер в нищете.

В языковой реформе Вука Караджича есть своя политическая подоплека. Гражданский язык (славяносербский) был языком городских воеводинских слоев населения, и именно он должен был стать литературным языком всех сербов. Однако с 80-х гг. XVIII в. австрийские власти требовали, чтобы простонародный или иллирийский язык, употребляемый в литературе католической части сербского населения, стал сербским литературным языком. Таким образом, здесь сербские владыки и священники увидели намерение Вены и Римско-католической церкви их обмануть, и предложение перехода на народный язык испугало Сербскую православную церковь в Австро-Венгрии [13].

По этой причине многие мудрые люди того времени, в особенности митрополит Стратимирович, упорно настаивали на том, чтобы придать народному языку статус жаргона, использовать который следует при обращении к «простому» народу, в то время как литературным языком мог быть только славяносербский, «который приблизился к особенностям славянского, или нашего древнего, самого чистого языка». Таким образом, русскославянский, как язык образованных классов, был заменен на гражданский славяносербский язык, наиболее ярким представителем которого был Милован Видакович.

В споре и конфликте между Караджичем и Видаковичем судьей был «патриарх и отец славистики», титулованный чешский ученый Добровский, и это, наверное, с научной точки зрения, стало ключевым моментом всего. По просьбе Видаковича рассудить спор с Караджичем (это был его единственным мудрым и верным решением), Добровский, повторяя вопрос, должен ли быть в литературе *Dorfsprache* или *eine edlere Sprache*, сказал: «Мне не нравится, что сербы опустятся до крестьянского языка. Должен быть и более отменный язык для более высоких тем. Нужно было бы, следуя по среднему пути, создать *stilus medius* ('средний слог'), который бы приближался к старославянскому и, частично, к разговорному языку» [цит. по: 13, с. 64]. «Судья» сделал вывод в пользу Видаковича и славяносербского языка.

Когда Вук Караджич расправлялся с Йованом Хаджичем или с Лукияном Мушицким, так же, как и в случае с Милованом Видаковичем, он применял не научные аргументы, а презрительные высказывания (научные аргументы не шокируют). Караджич был «страшным сварливым», критиком «тяжелой руки», чье «не принимающее ничего во внимание, уничтожающее слово» всегда «вызывает страх и пронзает жертву» – так Селимович характеризует эту особенность Вука Караджича [13, с. 70]. Караджич возглавил языковую революцию, в которой важна была цель, а не масштаб жертвы. Видакович был по сути уничтожен Караджичем.

Разумеется, на Вука Караджича тоже нападали, давая ему такие прозвища, как, например, «хромой антихрист», «агент римской пропаганды», «наемник, помогающий обратить сербов в унию», «предатель, который хочет их забрать от защитницы-России», «слепое орудие Копитара» и т. д.

Языковая революция Вука Караджича

Все сказанное выше говорит в пользу того, что оригинальность реформы Караджича на самом деле – обычный миф. Как подметил автор работы «Восстание Вука Караджича», «когда мы говорим о нашем народном языке, почти всегда отталкиваемся от неверного факта, от мифа о том, что языковую реформу начал и первым сформулировал Вук Караджич (реформа Караджича проводилась в период 1814–1847 гг.). Однако ее осуществили другие до него, более или менее последовательно и решительно, так как Вук Караджич не упал с небес, а пришел после многих (несмотря на то, что их успехи были частичные и ничего не значащие), взяв идею, которая существовала, придав ей неожиданный размах и общественно-политическое значение, он превратил ее в определяющую мысль и реальную силу эпохи, в зависимости от интенсивности роста сил и исторической роли народа» [16, с. 7]. На самом деле Вук Караджич главные идеи перенял у Савы Мркаля, которого также поддерживал Ерней Копитар. Мркаль свою мысль не закончил, и в конце, по причине давления представителей Сербской православной церкви из Австро-Венгрии, отказался от своей работы и серьезно заболел.

Караджич был психологически сильным и непримиримым «революционером», который не обращал внимания на научно обоснованные аргументы. Таким образом, его объяснения, т. е. аргументы отказа от славянского языка, носили больше политический, нежели научный характер. Для Караджича славянский язык «искусственно сглажен, так как завершен; сжат, так как выделен; канонизирован, так как используется меньшинством, высшим классом», как будто это меньшинство (или элита) не является частью народа. Однако, работая над переводом Нового Завета на сербский язык, Караджич сам отступал от своей реформы по причине того, что в народном языке не находил большого количества понятий, выражающих дух Священного Писания. Он сам признался, что внес 49 славянских слов, 47 – старославянских и 84 слова, которые сам «выковыл». Неиспорченный народный язык беден, и язык перевода Нового Завета Вука Караджича не есть наш народ-

ный язык [13, с. 92]. Именно в переводе Нового Завета Караджич отступил от идеи простонародного языка, применив средний вариант, т. е. «средний слог» или «средний стиль», который отвергал во всех общественных спорах, и который ему предложил самый авторитетный славянский филолог Добровский, будучи судьей в споре с Видаковичем.

Караджич быстро работал и навязывал свои позиции. Всего за четыре года с момента издания первого сборника народных песен Вук Караджич почти полностью завершил подготовку к своему главному удару: он издал второй, дополненный, сборник народных песен; напечатал первую грамматику; вступил в открытую острую полемику с самым популярным в то время романистом, писавшем на славяно-сербском языке, Милованом Видаковичем; быстро решил все оставшиеся вопросы азбуки, чтобы затем в сотрудничестве с Копитаром, которого обоснованно можно назвать соавтором, завершил Сербский словарь (Српски рјечник). Интересным остается факт, что так и не была услышана просьба Лукияна Мушицкого хотя бы в названии работы поместить «србски», чтобы сохранился этимологический след исконного названия нации, которой принадлежит Словарь [16]. Затем, в 1827 г., был опубликован и «Первый сербский букварь» Вука Караджича, хотя, как потом намного позже выяснится, это все-таки был не первый букварь у сербов.¹

Но по праву можно сказать, что в Словаре 1818 г. издания «сформулирована языковая и орфографическая революция Вука Караджича». Кроме первой цели – разрушения царящего в литературе порядка – это обозначало и разрыв с языковой и литературной традицией сербского народа. Копитар многое из этой области сделал для Караджича и с помощью Караджича. Так, он, прежде всего, навязал последованиям Вука Караджича, а через них и народу, мнение о том, что Караджич придумал так называемое «золотое правило» «пиши как говоришь». Данная формула принадлежит Аделунгу (Johann Christoph Adelung), но ее великий немецкий филолог не применил в своем знаменитом словаре, так же, как ни в одном из языков великих культур фонетический принцип не смог заменить этимологический [16].

Принцип «пиши как говоришь» предусматривает, кроме прочего, в целом и тот факт, что не все носители слышат свой язык одинаково. Среди многочисленных примеров, показывающих другую сторону этого *совершенного правила*, в данном

¹ Первый сербский букварь, напечатанный еще в 1597 г. в Венеции, в своем первом издании занял только две страницы (время, когда реализация такого языкового средства представляла собой свидетельство исключительного прогресса, даже принимая во внимание возможности намного более развитых европейских стран) и отражал фонетических принцип орфографии (первый в Европе), а составителем данного букваря был один из монахов монастыря Дечани – инок Сава Дечанский. Однако почти до XIX в. об этой книге вообще ничего не было известно. Более подробно см.: *Тодоровић Т.* Скида се вео тајне са 'Првог српског буквара' // Политика. 2011. 31. 05. – URL: <http://www.politika.rs/rubrike/Drustvo/Skida-se-veo-tajne-sa-Prvog-srpskog-bukvara.lt.html> (09.06.2014).

случае остановимся на одном и то – вкратце. Речь идет о больших сложностях, вызванных заменой буквы «ять» (Ђ). Кроме фатального «раскола в языке», на котором *пишут* сербы, так как графически также разделяются на «экавцев» и «йэкавцев», дословная замена «ять», согласно диалектным особенностям, помешала возможному процессу постепенного объединения наречий и людей, говорящих на одном языке одного и того же народа [16].

Вук Караджич и Сербская православная церковь

Традиционно с началом «сербской революции» связывают два события первых лет, т. е. десятилетий XIX в.: вооруженное восстание против османского правления, известное как восстание Карагеоргия, и борьба за новый литературный язык и орфографию, или так называемое восстание Караджича, т. е. «восстание Вука» [16, с. 45].

Сегодня нельзя быть строго ориентированным на «за» или «против» Вука Караджича: можно быть одновременно и «за» и «против» него. Быть «за» Караджича означало бы поддерживать переводчика народного духа и народных стремлений, защитника выразительных сил и волшебной красоты живого народного языка, человека, окончательно реализовавшего замысел Савы Мркаля и многих других, выступавших за упрощение сербской орфографии, неустанного собирателя устного народного творчества и авторитетного свидетеля жизни и обычаев нашего народа «трех вероисповеданий». С другой стороны, быть «против» Караджича означает быть противником представителя романтизма и крайнего народо-вольца, считающего народом только «сербов в деревнях», беспартийного сторонника одного-единственного наречия в качестве возможного сербского литературного языка, против того, кто не может в полной мере ощутить целостность народа и его языка, кто недостаточно образован и не обладает в достаточной степени скромностью и трезвостью в спорах не только о целостности сербской литературы и научного развития своего времени, но и всей величественной средневековой литературы и сербской литературы и культуры нового времени, существовавшей до него, т. е. против того, у кого нет чувства восприятия традиции, исторического продолжения и культурного своеобразия своего народа, адаптатора чужих мыслей и идей, недостаточно прозорливого и критичного [16].

В случае, если *наследие Караджича* принимать за *полное* церковное и языковое наследие нашего народа, мы не можем его принять. Действительно, наследие Вука Караджича огромно и имеет исключительное значение в истории нашей литературы и культуры в целом, но следует строго различать, что это не церковное наследие. Также отметим, что наследие Караджича не тождественно с языковым наследием сербского народа: оно является *частью* или *этапом* второго из упомянутых понятий. Века отделяют эпоху Караджича от Святого Саввы, отца сербской литературы, от эпохи святых Кирилла и Мефодия, отцов общеславянской, в том числе и сербской, письменности и культуры; вот уже и нас почти два века отделяют от эпохи Вука Караджича. Он не начинатель, а продолжатель,

бесспорно, гениальный, но только продолжатель [2, с. 53].

В. Караджич ни во что не ставил ценность литературного для того времени «славяносербского» языка, несмотря на то, что по объективным причинам этот язык не был мертвым или искусственным. Он был стандартным языком образованных слоев сербского общества в Австро-Венгрии – «гражданским языком», который был «чище самого церковного языка (Теодор Янкович Мириевски). Даже если предположить, что язык, на котором «говорят сербы по селам» является народным, то и язык, который также во время Караджича использовался «всеми просвещенными и духовными лицами в своем общении», особенно в городах, тоже представляет собой народный язык [2]. Но Вук Караджич, будучи с одной стороны последовательным противником эволюции, а с другой, – приверженцем и знаменосцем или «командующим» революции, идет намного дальше: он отвергает не только древний церковный славянский язык, который уже был в значительной степени ассимилирован с живым, разговорным сербским языком в форме «славяносербского», но отвергает и сербский язык, пропитанный или обогащенный древним церковнославянским наследием. Другими словами, он отвергает не только митрополита Стратимировича, Доситея Обрадовича, Милована Видаковича, но и Гаврила Стефановича Венцловича, Лукияна Мушицкого, и даже частично – самого Негоша, язык которого в Горном венце, не говоря уже о Луче микрокосма, никак нельзя принять за «чистый простонародный» язык.

Ириней Булович открыто подчеркивает то, что было известно, но никто не хотел говорить об этом: «Я думаю, что Вука Караджича, несмотря на его величие и вклад в нашу культуру, нельзя назвать *продолжателем миссии Сербской православной церкви*» [2, с. 56].

Выводы.

Принимая во внимание все сказанное выше, можно сделать заключение, что, несмотря на все многочисленные положительные моменты, остается открытым вопрос, не остановила ли в определенном смысле реформа Вука Караджича и не повернула ли в другую сторону сербскую литературную мысль, напрочь отказавшись от языка и стиля «славянских писателей». В их слоге, кажется, было больше условий для глубины, таинственности и чувственности, нежели это мог вобрать в себя рациональный язык В. Караджича.

Сербы все еще не превзошли реформу В. Караджича, и она продолжает разрушения так же, как и тогда, когда ее создали. Эта двойственность реформы Караджича: «за простой народ» и против православия и России – все еще действует и сеет ядовитые плоды. Однако язык, не характерный для Караджича, сохранился в Сербской православной церкви, и, можно сказать, что именно церковь, защищая язык и письменность, стояла на линии обороны традиций и защиты своего народа. Она отстояла святой богослужебный язык Божьих книг, и, таким образом, а также с помощью других предпринятых

мер сохранила таинство религии, таинство познания Бога.

Появление Вука Караджича не было случайно, а явилось продуктом деятельности австрийской тайной политики и дипломатии с расчетом на то, что Караджич будет тем человеком, которому удастся в языковом плане отдалить сербов от русских и таким образом присоединить сербов к австрийским славянам, чтобы потом они отвернулись от русских, вероятно, по причине принятия унии или римокатолицизма, отвергнув тем самым свои многовековые православные корни и традиции. Поэтому не удивительно, что подобные или аналогичные намерения и сегодня, практически совсем открыто проявляются в политике некоторых западных стран по отношению к Сербии и ее европейской (или даже евроатлантической) интеграции.

С другой стороны, появление Евразийского союза и желание народов освободиться от оков евроатлантических объединений вновь открывают и вопрос языка и культуры. К сожалению, со стороны России не наблюдается адекватной реакции на языковую и культурную политику на территории бывшей Югославии в целом.

Во времена, когда сербы опасались потерять свою идентичность, особенно религиозную и национальную, они сближались с Россией. Когда же Россия была слаба, а влияние западных центров сил в Европе росло, сербам навязывались реформы, цель которых изначально заключалась в отдалении Сербии от России. Согласно научным исследованиям, реформа сербского языка, которую провел Вук Караджич при поддержке Австро-Венгрии в лице Ернея Копитара с целью, можно уверенно сказать, переориентации сербской идентичности и формирования у сербов австрославянской идеологии, а также условий для их обращения в католицизм стали причиной как для последовавшей деструкции сербского языка с точки зрения невозможности развития языковой культуры более высокого уровня, так и для языковой дезинтеграции с ее немалыми последствиями и на политическом поприще.

Литература

1. *Бојић, М.* Вукова језичка реформа и Црква / М. Бојић // Језик цркве. Пети симпозион дипломираних

теолога (поводом 200-годишњице Вуковог рођења). – Београд, 1987.

2. *Буловић, И.* Вук и Црква / И. Буловић // Језик цркве. Пети симпозион дипломираних теолога (поводом 200-годишњице Вуковог рођења). – Београд, 1987.

3. *Gross, M.* Počeci moderne Hrvatske / M. Gross. – Zagreb, 1985.

4. *Костић, Л. М.* Тирилица и српство / Л. М. Костић // О српском језику ; Вук и Немци. – Нови Сад, 1999.

5. *Кулаковски, П.* Вук Караџић и његов рад и значај / П. Кулаковски. – Београд, 1987.

6. *Маринковић, М.* Српски језик у Османском царству: пример четворојезичног уџбеника за учење страних језика из библиотеке султана Махмуда I / М. Маринковић // Славистика. Књига XIV. – Београд, 2010.

7. *Митрополит Амфилохије.* Светосавско просветно предање и просвећеност Доситеја Обрадовића / Митрополит Амфилохије. – Врњачка Бања, 1994.

8. *Милошевић, З.* Црква и политика / З. Милошевић. – Београд, 2002.

9. *Милосављевић, П.* Идентитет и преименовања српског језика / П. Милосављевић // Србија: Политички и институционални изазови: Сборник статей / под ред. М. Суботић, Ж. Ђурић. – Београд, 2008.

10. *Мировић, А.* Склоност Срба ка прихватању супра- и транснационалних идентитетских категорија: Југословенство и 'евроунијство' / А. Мировић, З. Милошевић // Српско питање на Балкану. Сборник статей одноименой научной конференции с участием иностранных участников под ред. Суботић М. – Београд, 2013.

11. *Младеновић, А.* Славеносрпски језик / А. Младеновић. – Нови Сад, 1989.

12. *Поповић, М.* Вук Стеф. Караџић / М. Поповић. – Београд, 1987.

13. *Селимовић, М.* За и против Вука. Истраживање / М. Селимовић. – Подгорица, 2007.

14. *Скерлић, Ј.* Историја нове српске књижевности / Ј. Скерлић. – Београд, 1967.

15. *Стојановић, Љ.* Живот и рад Вука Стефановића Караџића / Љ. Стојановић. – Београд, 1987.

16. *Стојковић, Ж.* Караџићев устанак / Ж. Стојковић // Језик цркве. Пети симпозион дипломираних теолога (поводом 200-годишњице Вуковог рођења). – Београд, 1987.

17. *Суботић, М.* Однос филологије и идеологије код Срба / М. Суботић // Политичка ревија. – 2009. – №1(8).

18. *Суботић, М.* Политичка мисо србистике / М. Суботић. – Београд, 2010.

19. *Тодоровић, Т.* Скида се вео тајне са 'Првог српског буквара' / Т. Тодоровић // Политика, 31.05.2011. – URL: <http://www.politika.rs/rubrike/Drustvo/Skida-se-veo-tajne-sa-Prvog-srpskog-bukvara.lt.html>.

УДК 800.8

Н. П. Павлова

Череповецкий государственный университет

«РАЗВИТИЕ ДАРА СЛОВА» – ОСНОВНАЯ ИННОВАЦИЯ К. Д. УШИНСКОГО

В статье рассматривается связь возможность применения теоретических положений и практических выводов К. Д. Ушинского на развитие «дара слова» у ребенка-дошкольника в практике школьного образования.

Инновации, чувство языка, стратегии правописания, орфографический минимум.

The article deals with the relation between possibility of theory and practical reasoning of K.D. Ushinskiy on the development of the "gift for speech" at the preschool child in the process of education.